

Саша Поблинкова

Любовь и головы

Пособие для начинающих

16+

Александра Поблинкова
Любовь и головы.
Пособие для начинающих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42631536

SelfPub; 2019

Аннотация

Отчасти автобиографическая книга о любви и ее поиске в отдельно взятой провинции. Краткий курс жизни от тридцатилетней для двадцатилетней.

Александра Поблинкова

Любовь и головы

Краткий курс для начинающих

Маша, дорогой друг!

Я где-то прочитала, что лучший подарок – книга. Нет никакого повода в этом сомневаться, и, может, еще лучше книга, написанная для одного только человека. Вряд ли я могла бы написать хорошую книгу о вымышленных персонажах – этому нужно еще как следует поучиться. Я могла бы со знанием вопроса написать учебник по маркетингу или по вопросам журналистики – но тебе они без толку. И потому вот тебе книга о том, в чем я разбираюсь меньше всего на свете, – о любви. Начитавшись учебников по философии и психологических трактатов, прошагав по просторным полям с граблями и коровьими минами, я могу уверенно говорить лишь о том, что любовь – самая важная и, вероятно, основная движущая сила в любом нашем начинании. И потом, что еще может быть нужно солдату в стране, где все время идет война. Только немного чувства дома и нежности.

Несколько лет назад на блошином рынке в Берлине я купила книгу, прочитав которую, плакала не один день. Это был «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Я была так недалёковидна, что эта книга так и живет в каком-то

из общежитий Берлинского университета. И я не смогу тебе ее подарить. Последняя фраза книги – написанная перед смертью публициста: «Люди, я любил вас, будьте бдительными». Бдительность мы, что и говорить, подрастеряли, как и способность открыто говорить о любви, не предполагая в этом процессе никакой для себя выгоды.

Всю ту любовь, в которой хоть немного разбираюсь или которую смогла заметить, я решила объединить в одну книгу. Как ни крути, любовь – лучшее из чувств, которому человек может научить человека. Держи ее – и рано или поздно, ты напишешь, нарисуешь или в другой форме создашь свою, и я рада верить, что она будет лучше и глубже. Ведь в этом и есть смысл преемственности поколений.

Твоя старшая

И не очень мудрая

Сестра

Пролог

Считается, что свою голову невозможно поставить другому человеку. С другой стороны, я бы не позавидовала тому, кому досталась бы такая «больная» голова, как моя. Даже голос разума время от времени жметя в угол, вопрошает, за что его посадили в такую причудливую дамочку, и просит о незамедлительной эвакуации. Но все же и сомнительным опытом нужно делиться, и с кем это делать, как не с младшим поколением. Между нами ровно десять лет разницы, что, с одной стороны, совсем немного – и целая вечность,

если посмотреть иначе. Даже не буду пытаться предостеречь тебя от моих ошибок. Напротив, надеюсь, что твои будут еще более замысловатыми, чем мои, иначе зачем тогда все вообще затевать.

Можно много кричать на каждом углу о том, что ты писатель. Но, как в случае со многими другими делами, нужно что-то предъявить. Можно говорить о своей доброте, интеллекте и профессиональных качествах... и немного лукавить, приукрашивая их – в этом нет ничего сложного и зазорного. В принципе, для каждого человека, встреченного в жизни в тот или иной период, мы проявляем ровно полярные качества. Например, мои студенты считают, что я строгая и требовательная, мама – что я безответственная, друзья – что я добрая. А уж что обо мне думают незнакомые люди... узнаешь иной раз – и диву даешься! Так что нет ничего сложного – признавать какие-то черты и особенности характера в себе или нет.

Куда хуже дело с писательством, когда ты садишься за клавиатуру и обнаруживаешь себя в полном одиночестве среди множества прекрасных произведений разных эпох. На пути авторского страха, сомнений и ошибок ты оказываешься, в общем-то, «в неплохой компании», но есть чувство, что весь твой читательский багаж снисходительно поглядывает на тебя сверху, улыбается и чего-то ждет.

В такие дни можно только открыть бутылку красного, погрузить весь свой нос и все чувства в бокал, открыть форточ-

ку и предложить музе зайти в другой раз. Срок следующего визита всегда относителен – и вряд ли когда-нибудь появится идеальный момент. Это так же точно, как и тот факт, что при создании чего-либо ты все время будешь ловить себя на невольном подражании кому-то, пусть даже неосознанном. Перекрестки мыслей и сюжетов в произведениях мы определяли в университете как интертекст. Может, так и есть, что умных мыслей и внезапных озарений не хватает на всех, и они приходят к нам в самые разные моменты в неожиданных частях света, в этом есть наша тождественность – всей стучащей ночами по клавиатурам братии.

Не факт, что я сумею рассказать тебе историю более правдивую, чем историю своей жизни. Впрочем, если рассматривать ее целиком, то ничего такого уж примечательного не увидится. Великие и трагические события истории случились задолго до моего рождения, Советский Союз я застала «краем глаза», а остаточные его явления ты видишь так же хорошо, как и я. Попытаюсь ловко уклониться от хронологии событий, как и от логических связей между разными периодами. Основа этой книги – люди, каждый со своей такой же ненаписанной книгой. О них и пойдет речь.

Место действия

Наш город хорош как площадка, на которой можно учиться жить. Говорят, что если у тебя получилось чего-то добиться или что-то создать в Иркутске, то другие уголки мира уже

не так и страшны. Каждый день здесь я учусь жить: слушаю голоса в барах, подглядываю за историями на улицах и еще больше – в своей работе: журналистика – тот еще Клондайк с типажам и сюжетами. Но все же, если я еще не натренировалась жить, то – с чего бы начать?..

В нашем городе, просто гуляя по набережной, отлично чувствуешь свою сопричастность истории. Она, правда, что-то стала обходить город стороной, так делают и федеральные бюджеты по улучшению жизни. Но каждый раз, когда я выхожу к Ангаре, думаю, что именно здесь в свое время создавалось что-то гениальное, слышу голоса друзей детства. Открылось множество дверей и еще больше сердец и историй – в совокупности они и делают город твоим, как ты его чувствуешь и как ощущаешь себя в нем: мало что скрывается важного среди каких-то шестисот тысяч человек.

Горки в районе гостиницы «Интурист» стали совсем маленькими – а всего лет двадцать назад были непомерно большими, самые дорогие рестораны больше не кажутся недосягаемыми, а в каждом очаге культуры или другом казенном учреждении непременно засела парочка злодеев. Мелочность, провинциальность, алчная зависть и бессильная злость – вероятно, не самая завидная среда, в которой можно расти и работать. Впрочем, если что не так, Ангара довольно быстро привлекает к себе великих драматургов и менее известных писателей, как это случилось несколько лет назад с одним моим талантливым однокурсником.

Наша семья всегда старалась «гнездиться» на набережной. А что лично до меня – на этом не всегда симпатичном отрезке берега прошла вся моя жизнь: здесь родители выростили меня из коляски, обеспечив изысканную «национальную» горбинку на носу, здесь мы с Аськой добывали шампиньоны и валялись в грязи, здесь я не раз и не два уже вполне самостоятельно разбивала нос в попытках скатиться с горки. У «головой Гагарина», над которой принято шутить в стиле: «Юра, мы все потеряли!» – мы с Нюсей играли на гитаре и прекрасно зарабатывали себе на подростковое пиво и сигареты. Кстати, в то время тут же мне еще раз разбили нос, но уже за хамство. А несколько лет спустя лучшие студенческие вечера мы проводили у реки и праздновали окончание филфака. Весьма подающей надежды компанией, которую теперь можно искать по всем чуть более теплым частям страны. Кажется, на мой нос тогда уже больше никто не покушался, а я увлеклась повреждениями других частей своего многострадального тела.

Недавно я сидела на берегу реки возле той самой легендарной журфаковской поляны, из которой наши власти устроили некрасивый плацдарм в честь ВДВ. Это карма нашего города – Университетскую набережную (давным-давно она так и называлась) украсило множество памятников разным силовикам. По нарядности и декору искусственными цветами они больше всего напоминают грозные братские могилы, что не очень располагает к семейному и творческо-

му отдыху. Какой-то получается город-склеп для людей, воспоминаний и надежд. Memento mori. Но если задуматься о том, что главный парк города – кладбище, а другой – некрополь международного значения, и остальная часть Иркутска построилась на каких-то костях, то, может, нечего и жаловаться? Смерть имеет настолько неприятно близкое к нам соседство, что не стоит и обращать на него внимания. Просто иногда искоса оглядываться и придерживать сумку и рот плотнее: это уже на всякий случай.

Этот город непросто любить за что-то, для большинства – это любовь вопреки, почти материнская. Принятие и прощение, а в чем-то сострадание и нежная озабоченность.

Так вот, мы никогда не научимся жить, и единственное, что остается, – наслаждаться самим процессом и пытаться хотя бы сделать «домашние задания». Чем старше мы становимся, тем больше их формулировка зависит от нас, а за прогуглы жизни наказать мы себя точно никак не сможем. Точнее, это случится гораздо позже, когда нам будут выдавать посмертный «аттестат зрелости».

В городе наступает Рождество 2019 года, относительно голодного и тревожного, но – как это всегда бывает в начале любого года – подающего сказочные надежды на то, что все как-нибудь само образуется. Мой дом на набережной притих, и даже соседка сверху (вероятно, в честь праздника) снизила уровень громкости в своих ежедневных воплях на детей. Другие наверняка кроют печеных куриц и карты же-

ланий, и пока еще не донеслось ни единого звука салюта, а ведь первая звезда уже поднялась.

Мой дом, который скромно спрятался в сердце старого города, за Курбатовскими банями (в них было отмыто немало знаменитых тел, и, если верить историческим анекдотам, они имели шанс видеть Чехова в неглиже, но это не точно). В этой части города все масштабные гуляния проходят стороной, и можно получить представление о жизни именно в тихом и камерном историческом центре – со своими легендами и городскими сумасшедшими, каким он и должен быть.

Из окна видны старые сараи, а с верхних этажей дома – реку. Все двенадцать квартир живут так, словно Советский Союз на отдельно взятой территории все еще существует. Между амбициозными новостройками мы руками и ногами хватаемся за свой плотик с дряхлым основанием и намерены еще пожить как следует.

Бабушка с дедушкой переехали в эту квартиру больше двадцати лет назад, но, как и Скарлетт О'Хара, до последнего я не могла бы и представить, что рано или поздно мне придется закатать рукава и хоть немного, но бунтарски поучаствовать в жизни этого дома. Теперь часть жильцов считают, что у меня слишком статусные любовники, остальные предполагают, что я ведьма – а ведь пока я не устраиваю шалманы и жертвоприношения, так что и то и другое весьма безосновательно, но нам всегда есть к чему стремиться.

Собственно, в эту нору и я упаковалась в честь праздни-

ков, чтобы отлежать себе бока с разных сторон, а заодно попытаться создать хоть что-то ценное, что смогла бы предъявить своим личным писательским амбициям. Хромающая композиция, долгие лирические отступления и склонность к морализаторству – мой конек-горбунок.

Раз уж я попытаюсь конвертировать нажитые между нами десять лет разницы в опыт, который может быть социально полезным, или после прочтения которого захочется с присвистом покрутить пальцем у виска, то начну с того, что юмор – лучшее наследство, которое нам могла дать семья и все те веселые еврейские ребята, с которыми мы, так уж сложилось, связаны. Да, конечно, юмор должен рождаться только из любви, а то есть риск обручиться с желчным котлованом, а это с нашим предметом не имеет ничего общего. Родня. С них и начнем.

Еврейская линия

В нашей семье больше всего еврейство нравится отцу. Помню, как маленькой девочкой гуляла с ним по набережной и распевала «Хава нагилу». Национальные друзья, национальные анекдоты и литература, национальный стол – трепетная любовь к семитизму как-то окопалась в нашей семье. Прапрабабушка, крещеная, краденная из правоверной еврейской семьи девица, была бы вполне довольна, хоть ни один из семейства так и не выучил идиш. Зато по части культурной грамотности и сохранения семейных традиций мы

отрабатываем на твердую четверку. Папа грезит моим браком с хорошим еврейским мальчиком, а мне от этой привязанности досталась горбинка на носу, большая любовь к национальной культуре и какие-то знания о ментальных особенностях.

—

Любая еврейская мама приходит в восторг от того, что я умею готовить форшмак. И хумус. И еще много всего остального, но форшмак – коронная вещь. Одно бравоирование названием этого блюда доводит до глубоко трепета всякую еврейскую маму. Записывай: вымочи селедку в молоке, добавь моченую хрустящую булку, ошпаренный лук, немного соли, масла, взбивай в блендере, остужай. Можно добавить немного белого вина и пару девичьих слез для запаха. Методом проб и ошибок найдешь идеальный рецепт. Следующий уровень владения материалом – рыба фиш, но таких высот я еще не достигла.

—

– Я до сих пор не представлена его матери и, мне кажется, она не рада нашему потенциальному знакомству. Но что же я делаю неправильно? – сетует на кухне подруга.

– Все очень просто: ты имеешь дело с еврейской мамой. Она не будет рада, если у сына появилась добротная женщина, ведь тогда его не нужно будет жалеть.

– Но ведь он присмотрен, сыт и доволен!

– Вот именно в этом корень твоих проблем с еврейской

мамой. Никто, кроме нее, не знает, как правильно нужно любить ее сына. Так что смирись и не лезь.

—

Любимый семейный праздник – Рождество, когда все шумные стороны семьи собираются у бабушки за одним столом. В эти дни мне кажется, что взбудораженные от самого счастья жить послевоенные годы пробрались в особняк на Сухэ-Батора, подселились в зеркало и просочились в бой часов. Время смотрит из серванта с коллекцией кукол, с обшарпанной пианинной банкетки и ковра на стене. На столе появляются сочиво и фаршированная щука – ничего необычного. Разве не может простая еврейская семья в кои-то веки обсудить коммунизм и порадоваться рождению известного еврейского мальчика под Вифлеемской звездой?

—

Семья не теряет надежды. Евреи вообще ее не теряют до последнего, даже если уже тридцать семь лет шляются не пойми в какой пустыне. Еще немного потерпеть – и нормально. Так что мои тридцать холостых лет в сравнении с путешествиями Моисея?

Семья не сдается до последнего. Мама только пожимает плечами, а вот отец ищет мне хорошего еврейского мальчика, в дело включилась уже и теща отца. Папа ходит в синагогу, как на работу, изучает обстановку и как-то пока ничего путного не предложил. Варианты маман оказываются на редкость инфантильными и многосложными. А я, глядя по

сторонам, вообще отказываюсь размножаться в такой ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.